

«УТЯЖЕЛЕНИЕ» ОБЫЧНЫХ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ НОРМ О ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*Коваль Д. А.,
Национальный университет
«Одесская юридическая академия»,
ассистент кафедры международного права
и международных отношений, к.ю.н.*

Утяжеления обычных норм международного гуманитарного права, как представляется, – яркий характеризующий процесс для этой отрасли МП. Игорь Иванович Лукашук, описывая специфику источников МГП, указал, что основным источником правовых норм здесь был и остается международно-правовой обычай. [1, с. 381] С этим утверждением, с определенными оговорками, можно согласиться, дополнительно отметив, что кодифицированные договора по МГП не подменяет обычных норм, а лишь формализуют их, создают некоторые механизмы реализации и содействуют эффективности выполнения (об этом указывал МС ООН в деле Никарагуа против США). Вместе с тем, проходят и обратные процессы, в рамках которых нормы появляются сначала в писаном виде, а лишь в процессе их выполнения приобретают обычно-правовой характер. Приведенным выше хотелось бы подчеркнуть особенность источников МГП, лидирующую, если это слово применимо без намека на определенную иерархию основных источников международного права, роль обычаев в их системе.

Хотелось бы затронуть один из важных моментов формирования международно-правового обычая в МГП на примере развития обычного регулирования защиты культурных ценностей в связи с вооруженным конфликтом, а именно вынесенный в название доклада и упомянутый мною выше феномен утяжеления.

Для того чтобы, не вдаваясь в теоретические изыскания, объяснить что имеется в виду под упомянутым термином, обращусь к истории формирования защиты культурных ценностей.

Обращение с культурными ценностями во время войны очень показательно характеризует эпоху, уровень правосознания и гуманности. Так, Средние века можно условно ограничить двумя самыми опустошающими набегами на Рим. Германское племя – вандалы – из-за двухнедельного грабежа Рима и уничтожения его произведений искусства и науки в 455 г. навеки обрел себе бытие именем нарицательным для обозначения жестокого обращения с произведениями искусства. Интересно, что когда польский ученый Рафал Лемкин изобретал свою концепцию преступления геноцида, то в нем он видел две составные части – вандализм и варварство. Первая как раз и состояла в преднамеренном разрушение культурных ценностей. [33, с. 32] Ограбление такого же размаха имело место в 1527 году, когда войска Карла V Габсбурга вывезли и уничтожили огромное количество культурных ценностей бывшей столицы Западной Римской империи (это событие вошло в историю под названием «Сакко ди Рома»). Несмотря на такие яркие примеры неуважения к ценностям культуры, пренебрежения их защитой в угоду достижения военных целей, даже в те времена можно найти отдельные правовые нормы предусматривающие защиту объектов, имеющих культурное, историческое либо иное подобное значение. Так, в Римском праве, по сведениям, датированным 30 г. до н.э., было определено, что военные трофеи не является частной собственностью солдат, офицеров или командиров. Кодекс чести рыцарей, существовавший начиная с VII в. предусматривал запрет не только грабить или разрушать культовые сооружения, но и похищать личное имущество (например, семейные реликвии). [3] В 1039 году в результате польско-чешской войны чешским князем была захвачена собственность польской церкви. В судебном решении папы Бенедикта IX содержалось предписание о недопустимости захвата церковного имущества, а также о недопустимости ссылки на право войны как оправдание захвата такого имущества.

Эмер де Ваттель (1714 - 1767 гг.) в своем знаменитом трактате «Право народов или принципы естественного права, приме-

няемые к поведению и делам наций и суверенов» также упоминал о судьбе культурных ценностей. В § 168 упомянутого труда он писал: «По какой бы причине не поддавалась грабежу страна, на ее территории должны быть сохранены здания, которые делают честь человечеству и не предоставляют дополнительной мощи врагу. Что пользы в их уничтожении? Один лишь враг человечества способен бессмысленно лишит людей памятников искусства, образцов художественного вкуса».[4, с. 521]

Труд Ваттеля – огромный шаг вперед в вопросе кодификации современного ему права войны. Из представленных цитат видно, что тогдашнее обычное право войны (*iusbelli*) уже включало отдельные положения, касающиеся защиты культурных ценностей. В своей работе Ваттель анализирует и государственную практику (интересно, что в её анализе он использует такую же логику, какую через три столетия будет использовать МС ООН для объяснения объективного и психологического (субъективного) элемента обычной нормы). В частности швейцарский юрист приводит пример короля готов Тотилы, который в 546 г. занял Рим и намеревался его разрушить. Однако под влиянием письма полководца Восточной Римской империи Велизария и собственного представления о древности и культурной значимости Рима решил не разрушать его. Ваттель приводит пример и признания приоритета военной необходимости. Так, бомбардировки англичанами в 1694 портов Франции, нанесли ущерб объектам культуры. Бомбардировка и разрушение культурных ценностей вызвали отчаяние Марии Стюарт, жены короля Англии того времени Вильгельма III Оранского, которая выражала надежду, что подобная ситуация не повторится в будущем.[4, с. 521]

В более позднее время, к числу свидетельств существования международно-правовых норм о защите культурных ценностей можно отнести решение вице-адмирального суда Галифакса о возврате картин захваченных с американского корабля их собственнику, Брюссельскую декларацию 1874 года, некоторые резолюции гентского Института международного права конца XIX века и т.д. В XX веке, вопрос об обычном международном праве защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта поднимался Нюрнбергским трибуналом, национальными трибу-

налами стран победительниц во второй мировой войне, Трибуналом по бывшей Югославии, МС ООН в Консультативном решении о легальности использования ядерного оружия 1996 года. В упомянутых решениях говорилось среди прочего об обязательствах уважать ценности культуры, предотвращать их разрушение, хищение, незаконный вывоз и т.п.

Если следовать логике Ваттеля, либо воспринимать правовые запреты из ранних источников национального права как предтечу международно-правового регулирования защиты культурных ценностей и как проявление субъективного элемента международного обычая, то можно отсчитывать существование первых международно-правовых обычных норм о защите культурных ценностей в случае войны, например, с VIвека. Абсолютно очевидно, что одно и то же обязательство, которое очень условно и сокращенно можно обозначить как «обязательство не разрушать культурные объекты в ситуациях когда того не требует военная необходимость», гарантировало совершенно различный уровень защиты культурным ценностям и осознанного согласия государств на следования соответствующим обычным нормам. В этой связи можно говорить об утяжеление обычных норм международного гуманитарного права в сфере защиты культурных ценностей. До определенной степени абстрагируясь, можно сказать, что если раньше культурные ценности не разрушались тогда, когда подобное разрушение не приносило военного стратегического преимущества, то в современных условиях, даже в отдельных случаях использования противником культурных ценностей в военных целях, они не подвергаются нападению в силу представления государств о существовании юридического обязательства сделать все необходимое для обеспечения их сохранности. Подобная позиция может показаться идеализированной и не соответствующей правовой реальности, ведь комментарии относительно реализации МГП как правило сводятся к примерам его невыполнения сторонами, особенно государствами-доминантами. Тем не менее, примеры выполнения норм МГП возможно даже более показательны. Интересный пример неиспользования возможности ссылки на военную необходимость можно найти в событиях Второй войне в Персидском заливе, когда США и войска коалиции столкнулись с

выбором бомбить или не бомбить военный объект, который располагался недалеко от шумерского Храма. Несмотря на то, что основной международный договор, касающийся защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта не был обязательными для главных воюющих сторон (США и Великобритании), и военный объект был расположен недалеко от культурного объекта в нарушение международного гуманитарного права решение было принято в пользу целостности Храма.[5, с. 28] Можно вспомнить и создание так называемого «nostrikelist», который использовался во время интервенции в Ливию.[6] Министр информации и культуры Афганистана АбдулвесейФеруз во время одного из своих выступлений заявлял, что последняя афганская война стала примером заботы о культурном достоянии его страны со стороны коалиционных войск. Конечно же речь не идет об абсолютном исполнении гуманитарных конвенций в том, что касается защиты культурных ценностей. Но нельзя не замечать диалектические, позитивные изменения в объеме и жесткости защиты культурных ценностей.

Далее хотелось бы вкратце остановиться на причинах утяжеления обычных норм о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

В первую очередь нельзя не отметить общую гуманизацию международного гуманитарного права. Известный украинский исследователь МГП Василий Николаевич Репецкий, отмечает, что МГП – постоянный поиск компромисса между военной необходимостью и требованиями гуманности[7, с. 20]. Поступательное движение на пути гуманизации *iusinbellum* можно проследить в развитие Женевского права, в подтверждение необходимости соблюдения основных прав человека во время вооруженного конфликта (в частности в делах Лоазидоу против Турции, в Консультативном заключении о легальности возведения стены на оккупированной Израилем территории и т.д.) Нормы из Исследования об обычном МГП, проведенном МККК, касающиеся защиты культурных ценностей, по своим формулировкам находятся ближе к современным и прогрессивным положениям ДП 2 к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, чем к положениям самой конвенции.

Важной особенностью утяжеления норм обычного МГП о защите культурных ценностей является расширение оснований для их защиты. Если в античность и средние века основанием для защиты культурных ценностей как правило служило культовое назначение того или иного объекта, а, кроме того, желание поддержать дисциплину в войсках, то со временем, важной составляющей такой защиты стала забота о негосударственной собственности. Считалось, что от опасностей войны должны быть защищены предметы, которые не принадлежат противнику. Это намерение возможно проследить в выдающемся памятнике МГП – Кодексе Либера. 3 его статьи касаются защиты культурных ценностей. В них говорится что «собственность коммун, религиозных, благотворительных и образовательных учреждений, учреждений искусства и науки, даже если они являются государственной собственностью, должны рассматриваться как частная собственность». Таким образом, видим, что защита культурным объектам предоставлялась через защиту частной собственности. После французской революции конца XVIII века все большую силу набирают доктрины общего культурного наследия человечества и национального культурного наследия. Со временем это привело к безусловному признанию «культурной составляющей» в защите культурных ценностей. То есть цель защиты стала трактоваться не только с точки зрения важности объектов культа, частной собственности, но и с точки зрения сохранения частички культурного наследия. В дальнейшем такая двухуровневая цель обросла еще и третьим уровнем – правами человека. Как уже упоминалось, базовые права человека являются неотъемлемыми даже во время вооруженного конфликта. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года называет право на культурное развитие среди таких неотъемлемых прав. В 2006 году, МИД Грузии выступил с критикой деятельности российских миротворцев на территории Абхазии и Осетии из-за нецелевого и варварского использования объектов культурного наследия. В обоснование позиции использованы как конвенции о защите культурного наследия и культурных ценностей, так и упомянутый выше Пакт. Как представляется, расширение целей защиты культурных ценностей также ведет к утяжеле-

нию международно-правовых обычных норм по защите культурных ценностей.

Завершая раскрытие вопроса, хотелось бы отметить важность понимания процесса утяжеления обычных норм в свете 2 основных причин:

1. Прогностическая. Понимая естественные процессы развития МГП возможно предсказывать дальнейшее состояние отрасли.
2. Конфликтологическая. Как указывал известный швейцарский юрист Макс Губер выступающий как суперарбитр в деле о Пальмовом острове, для разрешения конфликтов необходимо использовать современное им право. Позже, в деле Никарагуа против США, было определено исключение из этого правила для ситуаций с так называемыми genericterm. Имеются в виду, что если определенные международно-правовые нормы не могли не эволюционировать, ориентироваться на них не стоит. Что касается культурных ценностей, то понимание современного спору обычного права, важно, например, в ситуации с возвращением культурных ценностей вывезенных в СССР после Второй мировой войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть / Игорь Иванович Лукашук. – М. : ВолтерсКлувер, 2005. – 517 с.
2. Зелинская Н. Международные преступления и международная преступность: монография / Н. А. Зелинская. – О. : Юрид. л-ра, 2006. – 568 с.
3. Константинов А. С. Реституция культурных ценностей и международные конференции 10-30-х годов [Электронный ресурс] / А. С. Константинов. – Режим доступа до документа :<http://www.ref.by/refs/51/34577/1.html>
4. Де Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Эмер де Ваттель. – М.: Госюриздат, 1960. – 710 с.

5. Zelig J. Recovering Iraq's Cultural Property: What Can Be Done to Prevent Illicit Trafficking / J. M. Zelig // Brooklyn Journal of International Law. – 2005. – №31. – P. 3–48.
6. Protecting Libya's heritage [Електронний ресурс] // NATO Newsroom. – 2011. – Режим доступу до документа: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_82441.htm?selectedLocale=en.
7. Репецький В. Міжнародне гуманітарне право: підручник / В. Репецький, В. Лисик. – К. : Знання, 2007. – 372 с.